

Суворин Алексей Сергеевич

В конце века. Любовь

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А47

А47 **Алексей Сергеевич С.**
В конце века. Любовь / Суворин Алексей Сергеевич – М.: Книга по Требова-
нию, 2024. – 378 с.

ISBN 978-5-519-75739-3

ISBN 978-5-519-75739-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

Отчетъ Андрея Михайловича Видалина о своей поѣздкѣ въ провинцію произвелъ въ административныхъ кружкахъ Петербурга сильное впечатлѣніе по своей ясности, трезвости и дальновидности. Три качества рѣдко встрѣчающіяся.

«Нашъ министръ», какъ называли чиновники своего начальника, Василя Юрьевича Юрьева, хотя онъ не носитъ званія министра, былъ въ восторгѣ отъ этого доклада и отъ самого молодого человѣка.

Василій Юрьевичъ принадлежалъ къ либеральной партіи и отличался свободомысліемъ въ кругу своихъ знакомыхъ. Въ первый разъ онъ выдвинулся, то есть о немъ заговорили по такому случаю. Онъ былъ членомъ какой-то довольно высокой комис-

сіи; во время преній председатель этой комисіи, сановникъ большого авторитета и опытности, сказалъ:

— Я на всѣ государственные вопросы смотрю съ высоты Кремля.

— Оттого онъ ничего и не видитъ, кромѣ Замоскворѣчья, шепнулъ своему товарищу Василій Юрьевичъ.

Эта фраза полетѣла по всѣмъ департаментамъ, по всѣмъ министерствамъ, проникла въ гостиныя и въ высокія сферы. Ею всѣ были довольны въ такой мѣрѣ, что самъ председатель довольно высокой комисіи долженъ былъ дѣлать *bonne mine au mauvais jeu*. Василю Юрьевича узнали, какъ человѣка умнаго и способнаго, хотя черезчуръ смѣлаго, и онъ вскорѣ занялъ самостоятельное, очень спокойное мѣсто, которымъ, однако, не особенно дорожилъ, а потому и считался необходимымъ человѣкомъ. Онъ не былъ честолюбивъ и любилъ повторять слова Массильона:

— Высокія должности похожи на скалистыя мѣста, куда забираются только орлы и пресмыкающіеся.

Онъ былъ диллетантомъ въ администраціи и не только этого не скрывалъ, но и говорилъ, что въ Россіи государственный человѣкъ

непремѣнно диллетантъ и что инымъ онъ и быть не можетъ въ этой странѣ полуобразованной въ одной части и полудикой въ другой. Никакая система, никакая послѣдовательность у насъ невозможна, но все, что дѣлается, хотя бы урывками, хотя бы случайно, непремѣнно приноситъ пользу какойнибудь части населенія, а потому и слава Богу.

— Удовлѣтворить не только всю эту орду, говорилъ онъ, но даже какойнибудь одинъ классъ, нѣтъ никакой возможности. А потому надо пробовать вездѣ. Россія слишкомъ обширна, чтобы какуюнибудь систему было возможно провести послѣдовательно въ жизнь. Но надо сѣять кучками. Когда колосья поднимается, то хоть издали десятина покажется вся засѣянной, а на всю десятину все равно не хватитъ сѣмянъ...

Поэтому онъ по своей части никогда не задумывался и дѣлалъ только то, къ чему была охота или представлялся случай. Въ Видалинѣ онъ нашелъ себѣ человѣка, вполне раздѣлявшаго его мнѣнія.

Онъ далъ ему порученіе собрать на мѣстѣ, въ провинціи, какія-то свѣдѣнія, которыя бы давали общую картину провинціальной жизни. Надобности въ этомъ особенной не

было, но требовался фонъ и матеріалъ для начертанія чего-то такого, о чемъ самъ Василій Юрьевичъ еще не составилъ себѣ ясной идеи, но думалъ, что всегда не мѣшаетъ имѣть что нибудь въ запасѣ, на всякій случай, на случай какой нибудь, на примѣръ, комиссіи, съ которыми, какъ съ взрослыми дочерьми, такая комиссія, что онѣ, т. е. эти комиссіи, доживаютъ иногда до годовъ старыхъ дѣвъ, бесплодно влачащихъ свою жизнь. Онъ былъ человѣкомъ доброжелательнымъ и администраторомъ запасливымъ. Кромѣ того, было еще одно побудительное обстоятельство, въ которомъ Василій Юрьевичъ не хотѣлъ сознаться даже себѣ самому: онъ желалъ имѣть предлогъ къ командировкѣ Видалина на казенный счетъ въ провинцію, гдѣ у Видалина было свое собственное дѣло. Василій Юрьевичъ, впрочемъ, оправдывалъ себя тѣмъ, что это—командировка въ провинцію, въ отечество, а не за границу, откуда еще надняхъ одинъ командированный юноша возвратился и шутилъ, когда его спрашивали о результатѣ командировки:

— Лучшее пиво въ Мюнхенѣ.

Видалинъ исполнилъ задачу блистательно. Не то, что собрано было много фактовъ, но освѣщеніе ихъ было широкое и неподобное,

и пути для исправленія выбраны были самыя настоящіе, никого не смущавшіе и никому не досаждавшіе. Было всего понемногу, и добраго и худого, и хорошаго и сквернаго, вездѣ найдены были пробѣлы и упущенія, вездѣ можно было штопать по желанію. Онъ, къ тому же, владѣлъ въ совершенствѣ блестящимъ слогомъ, такъ что многіе говорили, что отчетъ его—«литературное произведеніе, выходящее изъ ряду вонъ».

Извѣстно, что къ концу девятнадцатаго вѣка русская администрація стала литературной, выпуская циркуляры по разнымъ вопросамъ слогомъ передовыхъ статей въ газетахъ, иногда съ цвѣтами риторства и даже нервнаго возбужденія, похожаго на лирическій восторгъ Держав. на.

Самъ Видалинтъ сначала немного сконфузился успѣхомъ своей записки, но потомъ пришелъ къ заключенію, что лучше его никто бы не написалъ о такомъ обширномъ предметѣ. Баронъ Шутиловъ, его пріятель и сослуживецъ, говорилъ ему по поводу этой записки:

— Помилуйте, кто же знаетъ что нибудь въ нашемъ обширномъ отечествѣ и о нашемъ обширномъ отечествѣ? Намъ некогда знать въ этой погонѣ за Европой. Намъ бы

сидѣть по деревнямъ съ мужикомъ, да думать, да пробовать что нибудь свое, а мы бѣжимъ, какъ гончія, стараясь хоть за хвостъ поймать Европу.

— Что-жъ дѣлать, когда иначе нельзя.

— Знаю, что нельзя. Но смѣшно. Медвѣдь бѣжитъ, пыхтя и переваливаясь, больше сотни лѣтъ и дѣло, кажется, кончается только тѣмъ, что мы и за хвостъ не поймали Европу и себя самихъ прозѣвали.

И баронъ представилъ, какъ бѣжитъ медвѣдь, вытянувъ свою морду.

— Жаль, что вы въ вашемъ отчетѣ игнорировали женскій полъ, прибавилъ онъ, смѣясь.

Видалинь тоже засмѣялся и спросилъ о здоровьѣ матушки Шутилова, баронессы Ольги Андреевны.

Баронесса здорова и очень интересуется поѣздкой Видалина, читала его отчетъ и желала бы видѣть автора и разспросить о провинціи, откуда она ждетъ возрожденія. Говоря это Шутиловъ не могъ удержаться отъ шутки:

— *Chaque baronne a sa fantaisie*, сказалъ онъ. Теперь повѣтріе на возрожденіе. Не разберешь, кто откуда ждетъ его, но ждутъ всѣ и въ самомъ скорѣйшемъ времени. Одни отъ новыхъ налоговъ и отъ ренессанса ста-

рыхъ—въ нѣкоторомъ родѣ «наложное воз-
рожденіе», другіе отъ войны, третьи отъ
мира, четвертые отъ равноправности евреевъ
и отъ руководства ими финансами, пя-
тые отъ православія, шестые отъ внѣшнихъ
займовъ, а седьмые—таинственное число—
отъ чернокнижія...

— И никто отъ нашего брата-чиновника,
сказалъ Видалинъ съ улыбкой.

— Да, на биржѣ общественнаго мнѣнія о
насъ всегда отмѣчается «слабо» и «безъ
дѣлѣ». Но безъ насъ, какъ безъ солнца,
жить нельзя...

— А вы вѣрите въ общественное мнѣніе?

— Когда оно нужно для административ-
ныхъ мѣропріятій—вѣрю; когда не нужно—
не вѣрю. Когда мнѣ надо на него сослать-
ся—ссылаюсь, когда оно противъ меня, го-
ворю, что его даже не должно существовать
въ нашемъ государствѣ.

— Да и въ самомъ дѣлѣ, неужели у насъ
есть общественное мнѣніе? Развѣ обществен-
ное мнѣніе *fin de siècle* насчетъ морфина,
кокаина, хлорала и вообще всего возбуди-
тельнаго. Въ этомъ отношеніи кажется—
«твердо».

— Очень. У мужичья—водка, у образо-
ваннаго общества—морфинomanія, кокаиno-

манія, балетоманія и разныя другія маніи, въ особенности картоманія.

— А все-таки скучно, проговорилъ Шутиловъ. То есть скучнѣе русскаго царства, кажется, въ мірѣ ничего нѣтъ... Я не удивляюсь маман, которая любитъ духовъ, привидѣнія и все то, что относится къ тому, что тамъ, откуда никто къ намъ не приходитъ... Тамъ интереснѣе. И я убѣжденъ, что когда нибудь всѣ мы будемъ спиритами.

— А вѣдь страшновато было бы, еслибъ приходили съ того свѣта, замѣтилъ Видалинь.

— Привыкли бы... Да, глядишь, и привидѣнія стали бы въ карты играть...

Видалину только что стукнуло 30 лѣтъ, а онъ уже занималъ мѣсто, рѣшительно завидное для чиновниковъ сорокалѣтнихъ и притомъ такихъ, которые были не безъ протекціи вліятельныхъ родныхъ. Успѣхъ его у женщинъ былъ еще замѣчательнѣе, и у какихъ женщинъ! Онъ не считалъ всѣхъ этихъ танцорокъ, всѣхъ этихъ русскихъ и иностранныхъ «звѣздочекъ», которымъ онъ дарилъ шубы, фарфоръ и деньги, но женщины совершенно порядочныя, съ репутаціей вполне добродѣтельныхъ и состояніемъ вполне независимымъ, которое позволяло

имъ фарфоръ и шубы покупать на мужнины деньги, обращали серьезное вниманіе на этого красавца — онъ былъ замѣчательно красивъ — и иногда благоволили къ нему въ интимной бесѣдѣ. Извѣстно, что жизнь коротка, а потому надо ею пользоваться. Видалинтъ и пользовался ею съ большою смѣлостью, умѣя убѣдить и женщинъ, что жизнь у нихъ еще короче, чѣмъ у мужчинъ, а потому и подавно слѣдуетъ ею пользоваться какъ можно шире. У него былъ цѣлый арсеналъ опредѣленій любви — и «общеніе душъ», и «обмѣнъ двухъ фантазій» и «взаимное влеченіе двухъ половъ», и «поэзія чувства», и «столкновеніе двухъ атомовъ», и «медъ жизни», и даже «маленькая эпилепсія». На всѣ вкусы. Надо, однако, сказать, что онъ не былъ Донъ-Жуаномъ, но очень нравился женщинамъ и зная это и этимъ пользовался, сохраняя себѣ достаточно времени для дѣловыхъ занятій. При этомъ онъ обладалъ драгоцѣннымъ талантомъ казаться серьезнымъ, дѣльнымъ и скромнымъ.

Василій Юрьевичъ готовилъ себѣ въ Видалинтъ если не преемника, то дѣятельнаго и преданнаго помощника, и не только помощника, но вліятельнаго члена своей партіи. У Василя Юрьевича была своя партія

или, вѣрнѣе, его выставляли шефомъ партіи диллетантства и опортунизма, но опортунизма благонамѣреннаго и приличнаго, а не того, который не разбираетъ средствъ и который Василій Юрьевичъ называлъ опортуньярствомъ. Къ этому, по его мнѣнію, способны развѣ только выскочки, люди, спѣшащіе заявить о себѣ во что бы то ни стало, какими бы то ни было средствами, не щадя никого и ничего, какъ будто для того, чтобы подчеркнуть, въ ущербъ другимъ, свою дѣловитость и свое право занимать высокое мѣсто, занятое ими, такъ сказать, не въ счетъ абонементъ. А Василій Юрьевичъ выскочкой не былъ: дворянскій родъ его уходилъ чуть ли не ко временамъ Гостомысла. И жена его принадлежала по рожденію къ хорошему княжескому роду, но умерла родами, оставивъ ему дочь Натали.

Василій Юрьевичъ остался вѣренъ памяти ея, конечно, относительно только, то есть не женился, а на сторонѣ, разумѣется, баловался и даже теперь былъ равнодушенъ къ хорошенькимъ женщинамъ и съ удовольствіемъ посѣщалъ балетъ на часъ, на два, какъ многіе государственные люди.

— Въ балетѣ, говорилъ онъ, мужской умъ никогда не оскорбляется женской глупо-